

Сколько Хэ Шэн себя помнил, материнского образа в его памяти почти не осталось. Всплывали лишь обрывки: тепло чьих-то рук да ласковое, полное нежности «малыш». Зато само слово «родные» неизменно вызывало у него тоскливое чувство — слишком уж безрадостными были связанные с ним воспоминания.

Дети удивительно чутки и порой замечают куда больше, чем взрослые. Вот и маленький Хэ Шэн давно научился безошибочно улавливать глухое, враждебное отчуждение со стороны старших родственников.

Раньше он никак не мог взять в толк: почему дяди и тети так слащаво улыбались ему в присутствии отца, но стоило тому уйти, как радушие мгновенно испарялось? А их собственные дети, оставшись с ним наедине, то и дело обзывали его ублюдком.

Лишь после того как няня без обиняков разложила все по полочкам, мальчик наконец понял причину этой неприязни. И узнал, что именно означает это злое слово.

Оказалось, он не родной ни маме, ни папе. А само его существование лишало родственников надежды на колоссальное наследство, которое те считали своим по праву.

Когда няня назвала его воришкой, Хэ Шэну стало невыносимо горько и обидно. Он никогда в жизни ничего не воровал и не собирался посягать на чужое.

Ему безумно хотелось признаться отцу, что все эти богатства ему даром не нужны. Пусть только его не ненавидят. Пусть не прогоняют от единственного близкого человека.

Но няня твердила: «У твоего отца и без тебя забот полон рот. Будешь усложнять ему жизнь — он разлюбит тебя».

Малыш видел, каким измотанным Хэ Минчэнь возвращался домой. Он не то чтобы безоговорочно верил рассказам прислуги, но слишком дорожил отцом, чтобы виснуть на нем лишней обузой. Ведь он знал, каких трудов стоило Хэ Минчэню отстоять его право остаться в семье.

Хэ Шэн решил во что бы то ни стало быть самым послушным ребенком. Он должен заслужить любовь отца, чтобы все его усилия не пропали даром.

Поэтому он ни разу не пожаловался. Мальчик терпел, утешая себя мыслью, что когда-нибудь вырастет и обязательно даст отпор всем своим обидчикам.

Каждую ночь, засыпая, он истово молился о том, чтобы поскорее стать взрослым — проснуться однажды и обнаружить себя большим и сильным. Правда, тут же пугался этой мысли: ведь

если он вырастет слишком быстро, то и любимый папа постареет.

Малыш думал, что до спасительного рассвета еще бесконечно далеко, но тьма рассеялась неожиданно быстро. Первый луч надежды коснулся его лица, и теперь Хэ Шэн мертвой хваткой вцепился в этот хрупкий свет, страхась упустить его.

В одном нянька не лгала — раньше Сяо-ба действительно его обижал. Но сейчас он стал совсем другим, замечательным, и Хэ Шэн успел привязаться к нему всем сердцем.

Меньше всего на свете мальчику хотелось, чтобы отец несправедливо обвинил Сяо-ба. И именно ради этого он решился на ложь.

Но стоило сделать первый шаг, и плотина рухнула, высвобождая копившуюся годами боль.

Хэ Шэн намертво вцепился в шею Цзи Ляня, отказываясь выпускать его из объятий. Давясь слезами и отчаянно всхлипывая, он сбивчиво, глотая слова, пересказал отцу все те гадости, которыми изо дня в день травил его Сунь Ланьшу.

Цзи Лянь сидел вполоборота к Хэ Минчэню. Скрытый от его взгляда, он бережно поглаживал плачущего ребенка по вздрагивающей спине, делясь своим теплом и успокаивая. Когда Хэ Шэн заговорил, Цзи Лянь склонился еще ниже, прижался лбом к его макушке и едва слышно шепнул на ухо:

— Умница, малыш. Ты со всем справляешься.

Эти слова придали Хэ Шэну сил. Он крепче сжал кулачки, голос его зазвучал тверже, без прежней робкой дрожи.

Когда же мальчик признался, как больно Сунь Ланьшу его щипала, Хэ Минчэнь тяжело нахмурился. Его ледяной, режущий взгляд устремился на побледневшую от страха женщину.

— Н-нет, все совсем не так! Он все придумывает... — залепетала та.

— Хочешь сказать, — оборвал ее Хэ Минчэнь, — что мой сын в столь юном возрасте научился так искусно лгать?

Слезы мгновенно высохли. Хэ Шэн удивленно моргнул.

Словно густой туман в его душе рассеялся под первыми лучами утреннего солнца, пробившимися сквозь щели навеса.

Сунь Ланьшу годами вдавливая ему в голову одну и ту же мысль: она нянчила его отца с пеленок, сделала для него слишком много и стала ему почти как мать. Неужели Хэ Минчэнь пойдет против той, кто заменил ему самого близкого человека, ради какого-то приبلудного мальчишки?

Хэ Шэн рос под этим непрекращающимся давлением и в конце концов поверил в собственную ничтожность.

Но отец повел себя совсем не так, как предвещала няня. Он поверил ему. Он безоговорочно принял его сторону.

Теперь у него за спиной стояли двое — Сяо-ба и папа.

Сунь Ланьшу и не подозревала, что Хэ Минчэнь с самого начала видел ее насквозь. Любые оправдания в его глазах выглядели жалкой, нелепой агонией. Терпеливо выслушав сына, он не удостоил женщину ни единым словом и коротким жестом велел своему помощнику Сяо Мо увести ее прочь.

Даже когда за бывшей няней закрылась дверь, Хэ Шэн не расслабился. Выговорив все, что наболело, он по-прежнему крепко обнимал Цзи Лянь за шею, зарывшись носом в его плечо. В этом жесте сквозило абсолютное, безграничное доверие.

Почувствовав на себе тяжелый взгляд, Цзи Лянь поднял голову и встретился глазами с Хэ Минчэнем.

— Нам нужно поговорить, — негромко произнес Хэ Минчэнь. Голос его звучал ровно, но в этой тишине отчетливо угадывался рокот приближающейся бури.

Цзи Лянь молча кивнул. Хэ Шэн тут же вскинул голову и испуганно перевел взгляд с одного на другого.

«Я же все объяснил! Почему папа сердится? Неужели он все-таки выгонит Сяо-ба?»

Хэ Минчэнь протянул руку к сыну. В отличие от ледяного тона, которым он разговаривал с няней и Цзи Лянем, сейчас в его голосе проступила мягкость:

— Дяньдянь, иди к папе.

Мальчик мотнул головой и упрямо спрятал лицо на плече отчима.

— Не хочу... — едва слышно донеслось из-под его челки.

В этом робком отказе не было злости или грубости — лишь детское, отчаянное желание остаться там, где тепло и безопасно.

Хэ Минчэнь опешил. Прежде, даже когда сын уверял, будто привязался к Цзи Ляню, он никогда не ластился к нему с такой отчаянной нежностью. Прежние подозрения мужчины дали глубокую трещину.

— Малыш, нам с твоим папой нужно немного побеседовать. Иди пока к себе, поиграй в конструктор, хорошо? — Цзи Лянь ласково похлопал его по спине.

Хэ Шэн надулся, но послушно, хоть и крайне неохотно, кивнул.

Хэ Минчэнь не стал силой отбирать ребенка. Развернувшись, он направился к дому, а Цзи Лянь с мальчиком на руках неторопливо пошел следом.

Оказавшись внутри, отчим уделил еще пару минут тому, чтобы окончательно успокоить Хэ Шэна, и лишь тогда тот, то и дело оглядываясь, побрел в детскую.

Спустившись на первый этаж, Цзи Лянь обнаружил хозяина дома на кухне.

Хэ Минчэнь замер перед распахнутой дверцей холодильника. Внутри было девственно чисто — ни единого увядшего листика салата, ни одной баночки с соусом. Заслышав шаги за спиной, он мгновенно захлопнул дверцу, а его мимолетное замешательство сменилось привычной маской бесстрастия.

— Господин Хэ, не желаете позавтракать? — поинтересовался Цзи Лянь.

Лицо Хэ Минчэня на миг приняло весьма странное выражение.

«И из чего ты собрался готовить? Сам же под чистую все вымел».

— Нет, спасибо, — сухо обронил он.

Цзи Лянь слегка разочарованно поджал губы.

«Я ведь и сам еще не завтракал. Откуда силы на переговоры возьмутся?»

Впрочем, деваться было некуда. Плетью обуха не перешибешь.

Он быстро вернул лицу привычное, безучастное выражение.

Хэ Минчэнь не упустил эту мимолетную смену эмоций, и внутри у него снова шевельнулось удивление.

Цзи Лянь изменился до неузнаваемости.

Разумеется, готовясь к этому династическому браку, Хэ Минчэнь досконально изучил его подноготную. Он прекрасно знал, какая слава ходит о молодом человеке в шоу-бизнесе, но грязные слухи его мало заботили — на репутации корпорации это никак бы не сказалось. Хэ Минчэнь согласился на этот союз лишь потому, что его сын искренне тянулся к Цзи Ляню.

Перед тем как поставить подписи на брачном свидетельстве, Хэ Минчэнь выкроил время, чтобы лично понаблюдать за будущим супругом. И теперь, пожив с ним под одной крышей, он со всей очевидностью понимал: перед ним совершенно другой человек.

— О чем вы хотели поговорить, господин Хэ?

Вместо ответа мужчина долго, не шевелясь, разглядывал собеседника из-за кухонного острова.

Когда Хэ Минчэнь уходил в свои мысли, его лицо становилось по-настоящему пугающим. Именно из-за этого тяжелого, давящего взгляда Сяо Мо, проработавший у него личным помощником три года, до сих пор робел в его присутствии.

И лишь в этот момент Цзи Лянь мысленно поблагодарил отца и старшего брата за их былую суровую муштру. Благодаря ей он сейчас умудрялся сохранять безупречное спокойствие под этим рентгеновским взглядом.

Причина такого пристального внимания была очевидна: его прощупывали.

Цзи Лянь при желании мог бы притвориться прежним владельцем этого тела. Но ломать комедию не хотелось. Он — это он, и никого другого изображать не станет.

А что до резкой перемены в характере...

У него давно была готова версия для любопытных.

Он просто притворялся хорошим. А на самом деле он — законченный мерзавец, и вся его былая кротость была лишь маской.

Учитывая скверную репутацию прежнего Цзи Ляня, прослыть злодеем было проще простого.

Пусть Хэ Минчэнь подозревает его сколько влезет. Пусть докопается до «правды» и упрячет

его за решетку. В тюрьме Цзи Лянь еще никогда не сидел.

«Неизвестно только, вкусно ли кормят в здешних застенках. Хотелось бы верить. Ну а если нет — лишь бы голодным не оставляли, и ладно».

— Перед уходом Сунь Ланьшу передала мне кое-какие доказательства, — медленно произнес Хэ Минчэнь, не сводя с него глаз и вылавливая малейшее движение лицевых мышц.

Однако его ждало разочарование. Цзи Лянь не выказал ни удивления, ни страха. Его лицо оставалось непроницаемым.

Хэ Минчэнь окончательно запутался.

Разумеется, за то короткое время, пока Цзи Лянь ходил наверх, получить компромат физически было невозможно, не говоря уже о том, чтобы изучить его. Это был чистой воды блеф в надежде, что парень запаникует и выдаст себя. В конце концов, не будь у Сунь Ланьшу реального компромата, она не вела бы себя столь уверенно.

Как отец Хэ Минчэнь жаждал верить сыну, но разум нашептывал обратное.

Когда Дяньдянь убеждал его, будто Цзи Лянь никогда его не обижал, его взгляд вильнул в сторону. А это означало лишь одно: ребенок лгал.

Слушая сбивчивый рассказ о жестокости няни, Хэ Минчэнь невольно задавался вопросом: а не поступал ли Цзи Лянь точно так же?

Если да, то он совершил чудовищную ошибку. Ведь это он, доверившись первому впечатлению, привел этого человека в дом и подверг сына опасности.

Да и ложь Дяньдяня могла быть следствием запугивания или подкупа.

Но с другой стороны... Искренность, с которой мальчик льнул к отчиму в гараже, невозможно сыграть.

Хэ Минчэнь точно знал: Цзи Лянь и понятия не имел об установленных в особняке скрытых камерах. Он не знал и того, что сам Хэ Минчэнь все это время жил по соседству.

На записях, когда они оставались наедине, Цзи Лянь ни разу не поднял на ребенка руку, не прикрикнул. Напротив, относился к нему с поразительной, мягкой заботой. И это тоже было правдой.

Хэ Минчэнь злился на собственное бессилие. Теперь он горько каялся, что не устроил подобную проверку до свадьбы. Тогда ему не пришлось бы сейчас ломать голову, мучаясь вопросом: измывался ли этот парень над его сыном или нет, и какая из его ипостасей — настоящая?

— Вы уже ознакомились с ними, господин Хэ? — спокойно спросил Цзи Лянь.

— Да, — не повёл и бровью Хэ Минчэнь.

— Что ж, тогда вызывайте полицию, — Цзи Лянь кивнул и послушно протянул вперед запястья. Голос его оставался ровным, но в глазах вдруг блеснул живой, отчетливый интерес.

Хэ Минчэнь опешил.

«Интерес? Он что, действительно этого ждет?»

<http://bllate.org/book/18977/2162724>